

DOI: 10.31696/S086919080033749-0

АРМЕНИЯ В НАЧАЛЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

© 2025

М.М. ХОЛОД^а

^а – Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-6834-2010; m.holod@spbu.ru

Резюме: Статья посвящена событиям, связанным с Арменией после разгрома державы Ахеменидов Александром Великим. По мнению автора, эта персидская сатрапия подчинилась Александру еще незадолго до сражения при Гавгамелах в 331 г. до н.э. Однако, судя по всему, в конце его правления Армения уже не контролировалась македонянами. Надо полагать, что после Гавгамел ее прежний персидский сатрап Оронт бежал в Армению и спустя некоторое время вернул власть над этим регионом, ликвидировав в нем македонское присутствие. Оронту удалось сохранить достигнутое главенство и после смерти Александра: несмотря на то, что в 322–320 гг. в Армении находился с войском Неоптолем, его действия там оказались не в состоянии серьезно подорвать позиции Оронта, ибо последний смог восстановить их здесь еще до 316 г. Более того, к этому моменту его власть над Арменией, причем в качестве ее сатрапа, уже признавалась македонянами (после весьма вероятного установления дружественных отношений между Оронтом и Певкестом в 317 г.). Каковым было участие Оронта в дальнейших событиях, неизвестно, но похоже, что ему в итоге, ок. 301 г., пришлось формально подчиниться Селевку. Впрочем, Оронт при этом сохранил для себя значительную самостоятельность: в какое-то время, судя по всему, ок. 280 г., именно он помог Ариарату II Каппадокийскому вернуть «отеческие» владения в Малой Азии. Как показывает автор, такая реконструкция событий в постахеменидской Армении вполне согласуется и с теми эпиграфическими свидетельствами, касающимися первых Оронтидов, которые происходят из святилища Антиоха I Коммагенского на горе Немрут-Даг.

Ключевые слова: древняя Армения, империя Ахеменидов, эллинизм, Александр Великий, диадохи, Оронтиды

Для цитирования: Холод М.М. Армения в начале эллинистической эпохи. *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 52–61. DOI: 10.31696/S086919080033749-0

ARMENIA AT THE BEGINNING OF THE HELLENISTIC PERIOD

© 2025

Maxim M. KHOLOD^а

^а – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-6834-2010; m.holod@spbu.ru

Abstract: The article deals with the events related to Armenia after the defeat of the Achaemenid Empire by Alexander the Great. In the author's opinion, this Persian satrapy submitted to Alexander shortly before the battle of Gaugamela in 331 BC. However, it seems that

at the end of his reign Armenia was no longer controlled by the Macedonians. In all likelihood, after Gaugamela, its former Persian satrap Orontes fled to Armenia and regained power over this region sometime later, eliminating the Macedonian presence there. Orontes managed to retain the achieved leadership there after Alexander's death: despite the fact that in 322–320 Neoptolemus stayed in Armenia with troops, his actions were unable to seriously undermine the positions of Orontes, since the latter could restore them before 316. Moreover, by this time his rule in Armenia as satrap had been already recognized by the Macedonians (after the very probable establishment of friendly relations between Orontes and Peucestas in 317). What was Orontes' role in the further events is unknown, but it appears that eventually, ca. 301, he had to formally submit to Seleucus. Nevertheless, Orontes retained considerable independence: at some time, most likely, ca. 280, it was he who helped Ariarathes II of Cappadocia to reconquer his "paternal" domain in Asia Minor. As the author shows, such a reconstruction of events in post-Achaemenid Armenia is also quite consistent with the epigraphic evidence of the first Orontids that originates from the sanctuary of Antiochus I of Commagene on Nemrud Dağı.

Keywords: ancient Armenia, Achaemenid Empire, Hellenism, Alexander the Great, Diadochoi, Orontids

For citation: Kholod M.M. Armenia at the Beginning of the Hellenistic Period. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 52–61. DOI: 10.31696/S086919080033749-0

Восточные походы Александра Великого, приведшие к грандиозным переменам в истории земель, входивших в состав державы Ахеменидов, и даже части тех, которые лежали вне ее, не могли, естественно, не оказать воздействия и на Армению, представлявшую собой в то время одну из персидских сатрапий. В битве при Гавгамелах (1 октября 331 г. до н.э.)¹, когда решалась и в итоге решилась судьба Персидской империи, в армии Дария III сражались и воинские отряды, набранные в Армении, которыми командовали персы Оронт и Мифравст [*Arr. Anab.* III. 8. 5; 11. 7; ср.: *Curt.* IV. 12. 10, 12]. Что, однако, случилось с Арменией после этого, является предметом споров среди исследователей.

Подчас в научной литературе можно встретить точку зрения, согласно которой эта персидская сатрапия² была совершенно не затронута завоеваниями Александра, а потому и не вошла в состав его империи (к примеру, см.: [Berve, 1926, I, S. 262; II, S. 263, № 524, 295, № 593; Heckel, 2006, p. 168, 185; Anson, 2013, p. 146]). Согласиться с подобной точкой зрения, думается, нельзя. Очень похоже, что Армения (если не вся, то, по крайней мере, частично) покорилась Александру еще незадолго до битвы при Гавгамелах, когда

¹ Далее все даты – до н. э.

² В том, что при Ахеменидах Армения в административном отношении делилась на Западную и Восточную, сомневаться, пожалуй, не приходится. При этом, как известно из рассказа Ксенофонта, во главе Западной Армении в самом конце V в. находился отдельный персидский наместник (*Anab.* IV. 4. 4: ὁ δὲ τόλος οὗτος Ἀρμενία ἐκαλεῖτο ἢ πρὸς ἑσπέραν. ὑπάρχον δ' ἦν αὐτῆς Τίριβαζος), который, насколько можно судить, формально подчинялся правителю Восточной Армении, осуществлявшему, таким образом, верховную власть уже над всей сатрапией (отсюда именно он и фигурирует у Ксенофонта как глава Армении в целом (*Anab.* III. 5. 17: τοὺτους γὰρ διελθόντας ἔφασαν εἰς Ἀρμενίαν ἤξειν, ἧς Ὀρόντας ἦρχε πολλῆς καὶ εὐδαίμονος; ср.: *Trog.* Prol. 10: praefectus Armeniae)). Несмотря на отсутствие подобных сведений для Армении в течение последующих лет ее пребывания в составе Персидской державы, – за исключением указания Помпея Трога/Юстина, в свою очередь свидетельствующего о делении сатрапии на две части при Артаксерксе III Охе (X. 3. 4: Codomannus praeficitur Armeniis), если, конечно, это не анахронизм, отражающий ситуацию римской эпохи, – кажется, что система административного устройства, засвидетельствованная Ксенофонтом, просуществовала здесь вплоть до времени Александра (в данной связи см. прим. 26 и 28 ниже). Об Армении при Ахеменидах см. особенно: [Jacobs, 1990; 1994, S. 183–186; в дополнение к этому см., в частности: Briant, 2002, p. 741–743; Messerschmidt, 2021 (вместе с разделом: Knauss, 2021)].

его войска находились, насколько можно судить, на ее южных территориях³. Во всяком случае, то, что македонский монарх вскоре после этого видел в Армении уже подвластную ему провинцию, представляется явным: об этом говорит факт отправки им туда из Вавилона (поздняя осень 331 г.) в качестве ее сатрапа Мифрена, персидского вельможи, перешедшего на его сторону в 334 г. [*Diod. XVII. 64. 6; Arr. Anab. III. 16. 5; Curt. V. 1. 44*]⁴, причем рассказывающие об этом событии древние авторы ничего не сообщают о посылке вместе с ним македонского воинского контингента, бывшего, конечно, необходимым, если Армении следовало бы еще завоевывать. Впрочем, исходя из такого их молчания, вовсе не стоит думать, что Мифрен отправился тогда в назначенную ему сатрапию вообще без всякого воинского сопровождения: то, что оно – вероятно, достаточно малочисленное и вследствие этого не указанное в источниках – должно было находиться при нем, кажется бесспорным. Не исключено, что как раз эти воины и составляли отряд некоего Менона (и если так, то тогда, скорее всего, не все полностью), который, как сообщает Страбон, предпринял неудачную попытку поставить под контроль золотые рудники в Сиспиритиде около Кабалл (XI. 14. 9. 529) (правда, в случае локализации Сиспиритиды на юго-востоке Армении⁵ в принципе допустимо и то – хотя это представляется менее вероятным, – что подобная попытка была сделана раньше, незадолго до битвы при Гавгамелах)⁶. К тому же очень возможно, что в окружение Мифрена в то время входили и два фессалийца – Кирсил из Фарсала и Медий из Ларисы, один из гетайров: доказывавшие в своих сочинениях общее происхождение фессалийцев и армян, они, судя по Страбону, приводили в них множество деталей географического и этнографического характера, связанных с Арменией (FGrHist. 129–130), что явно изобличает их личное, отнюдь не краткое знакомство с этой страной (отсюда сомнительно, чтобы все эти знания ими были получены, когда македонская армия действовала в южной Армении перед сражением при Гавгамелах)⁷.

О том, что случилось с Мифреном после его отбытия в Армению, ничего не известно. Но, как бы ни сложилась там его судьба, представляется, что эта провинция уже не находилась под контролем македонян ко времени смерти Александра: весьма показательно, что она не фигурирует ни в одном из сохранившихся списков сатрапий его державы, распределенных между прежними соратниками македонского царя в Вавилоне в 323 г., в том

³ Об этом подробно см.: [Hammond, 1996, p. 133–137; поддержано: Wheatley, Heckel, 2011, p. 116].

⁴ К этому также см.: *Curt. VI. 3. 3; Strab. XI. 14. 15. 532.*

⁵ Именно здесь Сиспиритиду помещает Хэммонд, основываясь на указании Страбона (XI. 4. 8. 503; 14. 12. 530) о том, что она лежала сразу же за Адиабеной к северу [Hammond, 1996, p. 134]. Однако обычно считается (такая точка зрения была высказана еще Н. Адонцем), что Сиспиритида должна идентифицироваться со Спером, т.е. находиться на северо-западе, в верховьях реки Боас/Чорох [Адонц, 1908, с. 25; кроме того: Hensen, 1992, p. 152; Braund, Sinclair, 2000, map 87 (F–G 4)]. Если эта точка зрения верна, то тогда можно говорить, что присутствие македонян не ограничивалось в то время только лишь южной частью Армении: они предпринимали попытки – в таком случае уже явно после отправки туда Мифрена – закрепиться и в достаточно удаленных от этих земель районах, по крайней мере, на северо-западе.

⁶ Текст Страбона в месте, где сообщается о том, что именно случилось с Меноном в Армении, неясен (ἀνίχθη δ' ὁλοὶ τὸν εὐχόριον), а потому, кажется, испорчен. Отсюда неудивительно, что для слова ἀνίχθη, которое здесь присутствует, был уже давно предложен ряд исправлений, в том числе, по нашему мнению, и наиболее подходящее – ἀνιρέθη (в издании сочинения Страбона, осуществленном Исааком де Казобоном [Casaubonus, 1620, p. 529]). Действительно, ввиду того, что, судя по этому сообщению античного географа, данное предприятие завершилось для македонян неудачно, вполне возможно, что Менон тогда был убит (по крайней мере, это отлично бы объяснило, почему Страбон не говорит ничего о его дальнейшей судьбе).

⁷ Ср.: [Hammond, 1996, p. 135]. Если наше предположение верно, Медий спустя какое-то время покинул Армению и присоединился к Александру, до его Индийской кампании (*Arr. Ind. 18. 7*). О том, какова была судьба Кирсила (о котором, кроме его упоминания у Страбона, больше ничего не известно), сложно сказать. Но свой труд он написал (либо завершил), скорее всего, уже за пределами Армении (как, похоже, и Медий). Относительно сочинений Медия и Кирсила см., в частности: [Pearson, 1960, p. 68–70].

числе и в списке, приведенном Дексиппом (очевидно, что допускаемое здесь исправление, которое предполагает упоминание Армении и ее передачу Неоптолему, не имеет под собой достаточных оснований)⁸. Не ставит под сомнение такой вывод и то, что у Диодора в еще одном списке, где им перечисляются разные области, вошедшие в состав державы Александра (XVIII. 5. 2–6, 4), Армения все же упоминается (XVIII. 5. 4). Действительно, назвать этот список точным нельзя⁹, ибо в нем мы обнаруживаем и Каппадокию, которая не контролировалась македонянами уже с конца 333 г. [Холод, 2022, с. 119–121]. Доверие к нему ослабляется также тем фактом, что Диодор называет сатрапиями все упоминаемые им здесь области, хотя некоторые из них либо вообще не относились к их числу, как Финикия [Berve, 1926, I, S. 285; Badian, 1965, p. 169; Bosworth, 1988, p. 232], либо являлись лишь их составными частями, как, к примеру, Ликаония или Писидия в Малой Азии [Холод, 2022, с. 118].

Вместе с тем из сообщений Диодора и Полиэна мы узнаем, что в 316 г. во главе Армении стоял некий Оронт, от имени которого, согласно этим авторам, Эвменом было написано по-арамейски подложное письмо, адресованное Певкесту, сатрапу Персиды (*Diod. XIX. 23. 3: παρὰ Ὀρόντου τοῦ σατραπείαν μὲν ἔχοντος Ἀρμενίας; Polyae. IV. 8. 3: παρὰ Ὀρόντου τοῦ σατράπου τῆς Ἀρμενίας*). Если упомянутый здесь Оронт идентичен тому, который занимал пост сатрапа Армении еще в правление Дария и вследствие этого командовал (вместе с Мифравстом) войсками из данной провинции в сражении при Гавгамелах (см. выше) – а такой вывод, как будет показано далее, кажется наиболее вероятным, – то тогда возникает вопрос: при каких обстоятельствах этот персидский вельможа получил в ней власть обратно?

На данный вопрос учеными были предложены разные ответы (см., в частности: [Badian 1965, p. 175, not. 1; Bosworth, 1980, p. 315–316; 2002, p. 122, not. 93; Anson, 1990, p. 125–128]). Однако, по нашему мнению¹⁰, предпочтительнее всего считать, что после поражения Дария при Гавгамелах Оронт бежал в Армению (отсюда и абсолютное молчание источников на его счет вплоть до событий 316 г.), а затем, спустя некоторое время, вернул контроль над этим регионом, ликвидировав в нем македонское присутствие (возможно, Мифрен тогда погиб в борьбе с ним). При этом, судя по вышеуказанной информации Диодора и Полиэна, Оронту удалось сохранить достигнутое главенство и после смерти Александра: несмотря на то что в Армении в 322–320 гг. с крупным войском находился македонянин Неоптолем (*Plut. Eum. 4. 1; 5. 2; ср.: Diod. XVIII. 29. 2, 4; 53. 3; Iust. XIII. 6. 15; 8. 3*), – по всей видимости, в качестве полководца, направленного в нее Пердиккой, а не сатрапа [Anson, 1990, p. 125; Hammond, 1996, p. 132; ср.: Heckel, 2006, p. 174, № 2]¹¹, – его действия в ней оказались явно не в состоянии серьезно подорвать позиции Оронта, поскольку последний смог восстановить их здесь еще до 316 г. Более того, к этому моменту его власть над Арменией, причем в качестве ее сатрапа, уже признавалась македонянами, во всяком случае, теми, кто находился в войске Эвмена, а стало быть, и центральной имперской властью (скорее

⁸ Такое исправление (FGrHist. 100 F 8.6: καὶ Νεοπτολέμου <Ἀρμενία, Τληπολέμου> Καρμανία) было предложено А. Аусфельдом [Ausfeld, 1901, S. 537], а затем даже внесено в текст, изданный А. Роосом и позднее переизданный при участии Г. Вирта [Roos, 1968, p. 257]. Критику этого исправления см.: [Anson, 1990, p. 125], где в свою очередь предлагается более простая и, на наш взгляд, убедительная конъектура – вместо имени «Неоптолем» читать «Тлеполема» (о Тлеполеме, сатрапе Кармании при Александре, с конца 325 / начала 324 г., см.: [Berve, 1926, II, S. 375–376, № 757; Heckel, 2006, p. 268–269; Холод, 2024(2), с. 93]). Поддержано: [Wheatley, Heckel, 2011, p. 116].

⁹ Таким образом, мы не можем согласиться с Хэммондом, который придает этому списку в данной связи излишне большой вес [Hammond, 1996, p. 131–132].

¹⁰ Его подробное обоснование см.: [Холод, 2024(1), с. 188–189].

¹¹ К этому также см. прим. 8 выше.

всего, после весьма вероятного установления дружественных отношений между Оронтом и Певкестом в 317 г. [Холод, 2024(1), с. 189]). Каковым было участие Оронта в дальнейших событиях войн диадохов, неизвестно, но очень похоже, что ему в итоге, ок. 301 г., пришлось формально подчиниться Селевку (*App. Syg.* 55; ср.: *Strab.* XI. 14. 15. 532)¹². Впрочем, Оронт при этом сохранил для себя значительную самостоятельность: показательно, что в какое-то время, по всей видимости, ок. 280 г., именно он помог Ариарату II, нашедшему у него ранее, в 322 г., убежище, разгромить на территории Каппадокии стратега Аминту и тем самым вернуть владения своего приемного отца (и дяди) (*Diod.* XXXI. 19. 5)¹³ (см. ниже). Это – последний факт из жизни Оронта, упомянутый в наших источниках. Скорее всего, где-то вскоре Оронт умер, передав власть очередному представителю дома Оронтидов – своему сыну Саму (см. ниже)¹⁴. Вместе с тем, принимая во внимание наличие у Сама царского титула¹⁵, не исключено, что первым, кто его официально принял, был не он сам, а уже его отец, последовавший в таком случае – и это кажется логичным – примеру Митридата I Понтийского и Зипойта I Вифинского, малоазийских династов, которые провозгласили себя царями в 297/6 г.¹⁶

Насколько, однако, все это соотносится с теми эпиграфическими свидетельствами, касающимися династии Оронтидов, которые происходят из знаменитого святилища Антиоха I Коммагенского на горе Немрут-Даг? Согласно надписям к изображению в том числе и этих предков Антиоха, выставленным в последовательном порядке на восточной и западной террасах данного памятника, первыми представителями династии были: Ароанд/Оронт I, сын Артасура (шестой постамент)¹⁷; Ароанд/Оронт II, сын Ароанда/Оронта I (седьмой постамент)¹⁸; -δανης, сын Ароанда/Оронта II (восьмой постамент)¹⁹; неизвестный,

¹² Ср.: [Mehl, 1986, S. 296].

¹³ Здесь у Диодора, в отличие от XIX. 23. 3, он – Ардоат [к этому см.: Schmitt, 2011, S. 282, № 246]. Подобная разница в передаче имени обусловлена, надо полагать, зависимостью Диодора в этих двух случаях от разных источников [Toumanoff, 1963, p. 280; Sherwin-White, Kuhrt, 1993, p. 192].

¹⁴ О жене Оронта, от брака с которой родился Сам, ничего не известно. То, что ею была Родогуна (см. ниже), – грубая ошибка Г. Берве [Berve, 1926, II, S. 295, № 593].

¹⁵ [Dörner, Young, 1996, p. 268, стк. 11–12 (в. тер.)]. В связи с этим, кроме того, см. прим. 21 ниже.

¹⁶ Обозначение Диодором Оронта как царя (XXXI. 19. 5), конечно, не может служить доказательством принятия им царского титула, поскольку в нашей литературной традиции официальный статус того или иного правителя отражается далеко не всегда корректно. Об этом в связи с македонскими монархами из дома Аргеадов см.: [Kholod, 2020]. Но то, что Оронт имел точно не меньше (если, пожалуй, даже не больше) оснований для подобного шага, чем указанные малоазийские династы, – это очевидно (относительно родства Оронтидов с Ахеменидами см. ниже). О принятии царского титула Митридатом I Понтийским и Зипойтом I Вифинским см.: [Сапрыкин, 1996, с. 39–40; Габелко, 2005, с. 437–438 (обе работы с релевантной библиографией)]. Насколько можно судить, к правлению Оронта относится еще одно событие – перенос столицы из Вана в Армавир, занимавший важное стратегическое положение в западной части долины Арарата (см., в частности: [Тирациян, 1973, с. 94–96; Mahé, 1996; Karapetyan et al., 2020]). Когда именно это произошло, сказать в таком случае, однако, трудно.

¹⁷ [Dörner, Young, 1996, p. 261, стк. 10 (в. тер.); 294, стк. 7 (з. тер.)].

¹⁸ Имя и патронимик не сохранились, но они восстанавливаются из надписей соответственно на шестом и восьмом постаментах.

¹⁹ [Dörner, Young, 1996, p. 297, стк. 7 (з. тер.)]. Первая сохранившаяся буква поврежденного здесь имени читается плохо, а потому в свое время было предложено восстановить его как «Мифран» ([Μίθρ]άνην) и, таким образом, считать Мифрена, назначенного Александром сатрапом Армении (см. выше), сыном Оронта II [Honigmann, 1924, Sp. 981–982; поддержано: Toumanoff, 1963, p. 280]. Признать такое восстановление состоятельным, однако, никак нельзя. Не говоря уже об отсутствии всяких оснований к тому, чтобы видеть в Мифрене представителя дома Оронтидов, сейчас абсолютно ясно, что первая буква дошедшей до нас части этого имени – не Р, а Δ (по данному поводу см. прежде всего: [Dörner, Young, 1996, p. 297; Dörner, 1996, p. 366]). Имея при этом в виду то, что персидских имен, оканчивающихся на -δανης, сравнительно много, сказать, какое из них принадлежало сыну Оронта II, к сожалению, невозможно (к тому же в данном случае не обнаруживается и никакой параллели с известными нам именами других Оронтидов). Ср.: [Schottky, 1989, S. 86–88].

сын того, чье имя оканчивается на -δανης (девятый постамент)²⁰; царь Сам, сын предыдущего Оронтида (десятый постамент)²¹. Если с идентификацией Оронта, сына Артасура, основателя дома, все предельно ясно – это знаменитый персидский вельможа конца V – первой половины IV в., который был женат на Родогуне, дочери царя Персии Артаксеркса II Мнемона – факт, особо отмеченный в надписях к его изображению с Немрут-Даг²² (так как отсюда Антиох возводил свое происхождение к Ахеменидам)²³, – а во время мятежа Кира Младшего, в начале своей военно-политической деятельности, занимал пост сатрапа Армении²⁴, то место в этом ряду для Оронта, участвовавшего в событиях эпохи Александра и диадохов, определяется только логически. То, что он не мог быть Оронтом II, – это очевидно, поскольку брак Оронта I на Родогуне был заключен, судя по всему, в 401 г. (*Xen. Anab.* II. 4. 8; III. 4. 13; *Plut. Art.* 27. 4)²⁵, а значит, их сын должен был появиться на свет где-то ок. 400 г. (либо, если он не был их первенцем, несколько, но явно не много позже). Следовательно, остается полагать, что этим Оронтом был тот неизвестный, имя отца которого оканчивалось на -δανης, а сына звали Самом и которого, таким образом, можно назвать Оронтом III.

По мнению ряда ученых, стоит, однако, различать Оронта, возглавлявшего (вместе с Мифравстом) воинский контингент из Армении при Гавгамелах, и Оронта, действовавшего уже в период войн диадохов: в первом нужно видеть Оронта II, а во втором – Оронта III (к примеру, см.: [Honigmann, 1924, Sp. 981–982; Toumanoff, 1963, p. 279–280; Jacobs, 2002, S. 77; ср.: Schottky, 1989, S. 85–94]). Основанием для такого суждения выступает, с точки зрения этих ученых, крайне низкая вероятность того, чтобы один и тот же человек – вследствие возраста – участвовал и в битве при Гавгамелах в 331 г. и в оказании военной помощи Ариарату (см. выше), кампанию которого по отвоеванию Великой Каппадокии они датируют 270–260 гг. Считать это суждение, впрочем, единственно возможным в данном случае, на наш взгляд, вовсе не следует.

Действительно, принимая во внимание то, что Оронт II, как уже отмечалось выше, родился, судя по всему, ок. 400 г. (или немногим позже), появление на свет его внука вполне допустимо отнести где-то к самому концу 350-х гг. И если так, то на момент битвы при Гавгамелах Оронту III должно было быть ок. 20 лет – возраст вполне подходящий для того, чтобы не только участвовать в этой битве, но и занимать пост сатрапа Армении, учитывая к тому же ту особую связь, которую его семья, начиная с Оронта I, с ней имела. (Кстати, отнюдь не исключено, что его отец, имя которого оканчивалось на -δανης, стоял во главе этой сатрапии до него – и тогда, вероятно, с какого-то момента после 339/8 г.²⁶, – но умер

²⁰ Имя не сохранилось, но патронимик восстанавливается из надписи на восьмом постаменте.

²¹ Имя и патронимик не сохранились, но имя восстанавливается из надписи на следующем, т.е. одиннадцатом постаменте. См.: [Dörner, Young, 1996, p. 268, стк. 12 (в. тер.): βασιλέα [A]ρσά[μην] τὸν ἐκ βα[σιλέως] Σάμου (с комментарием); Dörner, 1996, p. 367].

²² [Dörner, Young, 1996, p. 261, сткк. 11–15 (в. тер.); 294, сткк. 8–10 (з. тер.)].

²³ Неудивительно поэтому, что на первых пяти местах в галереях предков Антиоха на восточной и западных террасах находились изображения персидских царей из дома Ахеменидов (от Дария I до Артаксеркса II). См.: [Dörner, Young, 1996, p. 256–261 (в. тер.); p. 281–293 (з. тер.)].

²⁴ Об Оронте, сыне Артасура, см. вообще: [Judeich, 1892, S. 221–225; Osborne, 1973]. Относительно его последующей деятельности в Малой Азии, вызывающей споры среди ученых, см., помимо названных работ, в частности: [Mousey, 1987; Weiskopf, 1989, p. 69–91; Рунг, 2007].

²⁵ К этому см. особенно: [Dörner, Young, 1996, p. 262–263].

²⁶ Надо полагать, что до тех пор сатрапом Армении являлся Кодоманн/Арташата, будущий царь Дарий III (*Just. X. 3. 4*; ср.: *Diod. XVII. 6. 1*), который, если верить Помпею Трогу/Юстину, получил это назначение после победы Артаксеркса III Оха над кадусиями, т.е. либо в начале 350-х гг. [Дандамаев, 1985, с. 249], либо, менее вероятно, в 341/0 г. [Olmstead, 1948, p. 488]. Поскольку есть основания считать, что Кодоманн еще в конце правления Артаксеркса III Оха оказался при персидском дворе [Badian, 2000, p. 249–250; ср.: Briant, 2002, p. 771–

незадолго перед сражением при Гавгамелах, передав власть над ней по согласованию с Дарием своему наследнику²⁷.) Подтверждением молодого возраста Оронта III в битве при Гавгамелах, возможно, является тот факт, что в ней он командовал воинскими формированиями из Армении не один, а – в отличие от остальных персидских сатрапов, возглавлявших в тот момент свои войска единолично, – заодно с неким Мифравстом (см. выше): такое двойное командование было бы, пожалуй, вполне объяснимо, если предположить, что Мифравст играл тогда роль военного советника при пока еще неопытном в подобного рода делах сатрапе²⁸.

В то же время необходимо подчеркнуть, что датировка отвоевания Ариаратом II Каппадокии во многом неясна, и 270–260 гг. – лишь одна из гипотез на данный счет²⁹. В том, что эта кампания Ариарата могла иметь место не раньше сражения при Корупедионе (281 г.), думается, едва ли приходится сомневаться³⁰. Но вместе с тем ничто и не мешает датировать ее временем ок. 280 г., имея при этом в виду то обстоятельство, что сколь угодно серьезных оснований для отнесения данного военного предприятия непременно к 270–260 гг. нет³¹. Более того, его датировка где-то ок. 280 г., как представляется, делает

775], такую перемену в его карьере следует датировать ок. 339 г. Учитывая же при этом значимость сатрапии Армении, думается, что пост ее главы оставался тогда вакантным едва ли долгое время (к этому см. след. прим.).

²⁷ В самом деле, очень может быть, что пост сатрапа Армении удалось получить еще Оронту II, который, таким образом, и вернул ее под управление своей семьи (а затем, перед смертью, передал своему сыну с позволения персидского царя – либо Арсеса/Артахсеркса IV, либо уже Дария). Если афинский декрет в честь некоего Оронта (IG. II². № 207) действительно относится к 340 г., – а аргументы в пользу именно этой датировки кажутся нам наиболее убедительными [Рунг, 2007, с указанием, кроме того, иных точек зрения на данный счет], – то речь в нем должна идти не об Оронте I, но уже об Оронте II, который, стало быть, находился в то время в Малой Азии, поскольку, скорее всего, унаследовал после смерти своего отца власть над принадлежавшей тому ранее Мисией (OGIS. № 264a; *Diod.* XV. 90. 3). И тогда вполне допустимо предположить, что Оронт II был среди тех персидских сатрапов Малой Азии, которые – вместе с Артахсерксом III Охом – проявили большую обеспокоенность агрессивными действиями Филиппа II в районе Пропонтиды в 340 г., а потому мог не только предоставить помощь осажденному Перинфу, как это сделали другие сатрапы [*Dem.* XI. 5; *Theop.* FGrHist. 115 F 222; *Diod.* XVI. 75. 1–2; *Paus.* I. 29. 10], но и пойти на сотрудничество со ставшими в то время также враждебными македонскому царю Афинами. Думается, что подобные действия Оронта II – учитывая к тому же тот факт, что попытки Филиппа взять Перинф и Византий обернулись в итоге неудачей, – могли обратить на него особое внимание Артахсеркса III Оха и побудить последнего вознаградить его «отцовской» сатрапией Армении, пост главы которой после перевода Кодоманна ко двору ок. 339 г. (см. предыд. прим.) как раз оказался свободным. И если это все так, то получается, что власть первых Оронтидов над Арменией не прерывалась ни на одно поколение, приобрета тем самым уже изначально, по сути дела, наследственный характер.

²⁸ Вместе с тем это отнюдь не исключает того, что Мифравст мог быть одновременно и наместником Западной Армении, отряды из которой он присоединил к войску Оронта, сатрапа Армении [Jacobs, 1994, S. 67, 186; к этому также см. прим. 2 выше]. Напротив, еще одно объяснение присутствия двух командующих войском из Армении при Гавгамелах, согласно которому сатрап Оронт командовал там конницей, а перс Мифравст – пехотой (к примеру, см.: [Berve, 1926, II, S. 262, № 523, 295, № 593; Bosworth, 1980, p. 291; Heckel, 2006, p. 168, 185]), кажется недостаточно обоснованным.

²⁹ Ее придерживаются, в частности: [Bengtson, 1944, S. 77; Toumanoff, 1963, p. 280; Sherwin-White, Kuhrt, 1993, p. 192; Grainger, 1997, p. 76; Jacobs, 2002, S. 77].

³⁰ Действительно, отнесение ее, вслед за И.Г. Дройзеном, ко времени незадолго до битвы при Иссе (301 г.) [Droysen, 1877, II, S. 225; III, S. 83; так же, к примеру: Reinach, 1890, p. 31; Сапрыкин, 1996, с. 41; Wheatley, Heckel, 2011, p. 137; ср.: Mehl, 1986, S. 212–214] представляется маловероятным. Убедительную критику подобной датировки см.: [Габелко, 2009, с. 100–101].

³¹ То, что потерпевший некое поражение в Каппадокии полководец Селевка Диодор, о котором писал у себя Помпей Трог (Prol. 17), и есть Аминта историка Диодора, – вполне возможно (в таком случае допустимо полагать, что Помпей Трог был просто не совсем точен, сообщив об этом перед своим рассказом о гибели Селевка). Впрочем, отнюдь не исключено и то, что отправка Аминты в Каппадокию произошла уже вскоре после этого события, являясь ответным шагом Селевка на неудачу там Диодора. (И если так, то тогда это в свою очередь показывает, насколько сложной была ситуация в Каппадокии после ее перехода под власть Селевка.) Как бы то ни было, ясно, что данные свидетельства Помпея Трога и Диодора вполне могут относиться к событиям одного,

гораздо более понятным – во всяком случае, при нынешнем состоянии наших знаний в этой связи – не только то, почему Ариарат с Оронтом вдруг решились на такое военное предприятие, но и его успех. В самом деле, как раз незадолго до этого Каппадокия перешла из-под правления убитого при Корупедионе Лисимаха к победителю Селевку, а потому позиции новой власти в ней явно не были пока прочны. К тому же они не могли не ослабнуть еще больше после случившейся вскоре гибели Селевка (281 г.), известие о чем, естественно, вызвало замешательство во всей его державе. Очень похоже, что именно подобной ситуацией, – а не какой-то иной, сложившейся десять или даже двадцать лет спустя, – и должен был воспользоваться Ариарат, вторгшись тогда вместе с войском, предоставленным ему Оронтом, в Каппадокию и разбив в ней стратега Аминту (надо полагать, наместника этого новоприобретенного Селевком региона) (ср.: [Schottky, 1989, S. 93–94])³². И если это так, получается, что Оронту III на момент данной кампании было немногим больше 70 лет, иначе говоря, он находился отнюдь не в том возрасте, который может выглядеть действительно подозрительным³³.

Таким образом, из сказанного выше, думается, ясно, что никаких по-настоящему веских причин для того, чтобы относить засвидетельствованную в наших литературных источниках деятельность Оронта III только к периоду диадохов, нет: в том, что он участвовал уже и в событиях, связанных с завоеваниями Александра, начиная с битвы при Гавгамелах, кажется, едва ли стоит сомневаться. Имея это в виду, допустимо, стало быть, говорить, что Оронт, правнук знаменитого Оронта, сына Артасура, прожил долгую, полную всяческих перипетий жизнь, за которую ему удалось не просто сохранить свою власть над Арменией, но и, насколько можно судить, заложить основы для ее осуществления здесь в течение довольно долгого времени его потомками (вплоть до 200 г.: *Strab.* XI. 14. 15. 531) – в качестве правителей отдельного царства, считавшегося вассальным от Селевкидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Адонц Н. *Армения в эпоху Юстиниана*. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1908 [Adontz N. *Armenia in the Period of Justinian*. Saint Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1908 (in Russian)].

Габелко О.Л. 2005: *История Вифинского царства*. СПб.: Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2005 [Gabelko O.L. *A History of the Bythinian Kingdom*. Saint Petersburg: Izdatelsky Tsentr "Gumanitarnaia Akademiia", 2005 (in Russian)].

Габелко О.Л. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов. *Античный мир и археология*. 2009. Вып. 13. С. 92–119 [Gabelko O.L. On Dynastic History of Hellenistic Cappadocia: The Royal House of the Ariarathids. *Ancient World and Archaeology*. 2009. Issue 13. Pp. 92–119 (in Russian)].

а не разных времен, а потому их нельзя считать (в частности, см.: [Bengtson, 1944, S. 77, Anm. 1; Grainger, 1997, p. 76, 87]) аргументом в пользу более поздней датировки разгрома Аминты Ариаратом (270–260 гг.). О том, что полководец Диодор Помпей Трога должен был быть разбит не в Понтийской, а именно в Великой Каппадокии, см.: [Ballesteros Pastor, 2013, p. 195, not. 17].

³² Ср.: [Schottky, 1989, S. 93–94; Ballesteros Pastor, 2013, p. 185, 195, not. 17. Кроме того, ср.: Габелко, 2009, с. 101], где возвращение Ариарата в Каппадокию датируется, однако, временем еще при жизни Селевка, самым ее концом. Такая датировка, конечно, в принципе возможна. И все же, на наш взгляд, положение дел, сложившейся сразу после смерти Селевка в том числе и в Малой Азии, было бы для этого явно более благоприятным.

³³ Заметим, что М. Шоттки, хотя он и относит кампанию Ариарата по отвоеванию Каппадокии также ко времени ок. 280 г., вскоре после гибели Селевка (см. предыд. прим.), отказывает в причастности к этому военному предприятию – из-за возраста – Оронту, сражавшемуся в битве при Гавгамелах, тем самым отделяя его от Оронта, действовавшего на политической сцене в период диадохов [Schottky, 1989, S. 90–91]. Это, однако, выглядит странным: ученого почему-то совсем не смущает то, что если бы в сражении при Гавгамелах участвовал и правда Оронт II, то тогда ему самому было бы чуть меньше 70 лет (см. выше).

Дандамаев М.А. *Политическая история Ахеменидской державы*. М.: Наука, 1985 [Dandamayev M.A. *A Political History of the Achaemenid Empire*. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Рунг Э.В. Афины и персидский сатрап Оронт. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2007. Вып. 17. С. 196–202 [Rung E.V. Athenes and Persian Satrap Orontes. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2007. Issue 17. Pp. 196–202 (in Russian)].

Сапрыкин С.Ю. *Понтийское царство*. М.: Наука, 1996 [Saprykin S.Yu. *The Pontic Kingdom*. Moscow: Nauka, 1996 (in Russian)].

Тирацян Г.А. К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI–IV вв. до н.э.). *Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н.э.)*. Под ред. И.М. Дьяконова и др. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. С. 87–98 [Tiratsyan G.A. On the Pre-Hellenistic Cities of Armenia (6th – 4th cent. BC). *The Ancient Orient. Cities and Trade (3rd – 1st Mill. BC)*. I.M. Dyakonov et al. (eds.) Yerevan: Izd-vo AN Armyanskoy SSR, 1973. Pp. 87–98 (in Russian)].

Холод М.М. Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (часть I). *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2022. № 2. С. 108–126 [Kholod M.M. Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 1). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2022. No. 2. Pp. 108–126 (in Russian)].

Холод М.М. Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (часть II). *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2024(1). № 1. С. 177–197 [Kholod M.M. Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 2). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2024(1). No. 1. Pp. 177–197 (in Russian)].

Холод М.М. Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (часть III). *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2024(2). № 4. С. 89–102 [Kholod M.M. Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 3). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2024(2). No. 4. Pp. 89–102 (in Russian)].

Anson E.M. Neoptolemus and Armenia. *Ancient History Bulletin*. 1990. Vol. 4. Pp. 125–128.

Anson E.M. *Alexander the Great. Themes and Issues*. London: Bloomsbury, 2013.

Ausfeld A. Das angebliche Testament Alexanders des Grossen. *Rheinisches Museum für Philologie*. 1901. Bd. 56. S. 517–542.

Badian E. Darius III. *Harvard Studies in Classical Philology*. 2000. Vol. 100. Pp. 241–267.

Ballesteros Pastor L. Nullis umquam nisi domesticis regibus. Cappadocia, Pontus and the Resistance to the Diadochi in Asia Minor. *After Alexander. The Time of the Diadochi (323–281 BC)*. V. Alonso Troncoso, E.M. Anson (eds.) Oxford: Oxbow Books, 2013. Pp. 184–198.

Bengtson H. *Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht*. Bd. II. München: Beck, 1944.

Berve H. *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I–II. München: Beck, 1926.

Bosworth A.B. *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1980.

Bosworth A.B. *Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great*. Cambridge: University Press, 1988.

Bosworth A.B. *The Legacy of Alexander. Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors*. Oxford: University Press, 2002.

Braund D., Sinclair T. Map 87 Pontus-Phasis. *Barrington Atlas of the Greek and Roman World*. R.J.A. Talbert (ed.) Princeton: University Press, 2000. Map 87.

Briant P. *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002. Casaubonus I. *Strabonis rerum geographicarum libri XVII*. Paris: Typis regiis, 1620.

Dörner F.K. Epigraphic Analysis. *Nemrud Dağı. The Hierothesion of Antiochos I of Commagene*. D.H. Sanders (ed.) Vol. I. Winona Lake: Eisenbrauns, 1996. Pp. 361–377.

Dörner F.K., Young J.H. Sculpture and Inscription Catalogue. *Nemrud Dağı. The Hierothesion of Antiochos I of Commagene*. D.H. Sanders (ed.) Vol. I. Winona Lake: Eisenbrauns, 1996. Pp. 175–360.

Droysen J.G. *Geschichte des Hellenismus*. Bd. II–III. Gotha: Perthes, 1877.

Grainger J.D. *A Seleukid Prosopography and Gazetteer*. Leiden: Brill, 1997.

Hammond N.G.L. Alexander and Armenia. *Phoenix*. 1996. Vol. 50. Pp. 130–137.

- Heckel W. *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford: Wiley, 2006.
- Hewsen R.H. *The Geography of Ananias of Širak (Aṣṣarhac 'oyc')*. *The Long and the Short Recensions*. Wiesbaden: Reichert, 1992.
- Honigsmann E. Kommagene. *Paulys Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung*. Supplbd. IV. 1924. Sp. 978–990.
- Jacobs B. Armenien von der Eroberung durch die Perser bis in die Zeit Alexanders des Grossen. *Armenien: Frühzeit bis 1. Jahrtausend. Sprache, Kunst und Geschichte*. E.M. Ruprechtsberger (ed.) Linz: Stadtmuseum Linz, 1990. S. 37–46.
- Jacobs B. *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III*. Wiesbaden: Reichert, 1994.
- Jacobs B. Die Galerien der Ahnen des Königs Antiochos I. von Kommagene auf dem Nemrud Dağı. *Images of Ancestors*. J.M. Højte (ed.) Aarhus: University Press, 2002. S. 75–88.
- Judeich W. *Kleinasiatische Studien. Untersuchungen zur Griechisch-Persischen Geschichte des IV. Jahrhunderts v. Chr.* Marburg: Elwert, 1892.
- Karapetyan I. et. al. Recent Archaeological Research at Armavir, the Capital of Ancient Armenia. *Archaeology of Armenia in Regional Context*. P. Avetisyan, A. Bobokhyan (eds.) Yerevan: The Institute of Archaeology and Ethnography, 2020. Pp. 272–283.
- Kholod M.M. On the Titulature of Alexander the Great: The Title *basileus*. *The Legitimation of Conquest. Monarchical Representation and the Art of Government in the Empire of Alexander the Great*. K. Trampedach, A. Meeus (eds.) Stuttgart: Steiner, 2020. Pp. 219–242.
- Knauss F. Caucasus Region. *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. B. Jacobs, R. Rollinger (eds.) Vol. I. Hoboken: Wiley, 2021. Pp. 297–310.
- Mahé J.-P. Le site arménien d'Armawir: d'Ourartou à l'époque hellénistique. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1996. T. 4. Pp. 1279–1314.
- Mehl A. *Seleukos Nikator und sein Reich*. Leuven: Katholieke Universiteit Leuven, 1986.
- Messerschmidt W. The Caucasus Region. *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. B. Jacobs, R. Rollinger (eds.) Vol. I. Hoboken: Wiley, 2021. Pp. 671–679.
- Moysey R.A. IG II² 207 and the Great Satrap's Revolt. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1987. Bd. 69. S. 93–100.
- Olmstead A.T. *History of the Persian Empire*. Chicago: The University of Chicago Press, 1948.
- Osborne M.J. Orontes. *Historia*. 1973. Bd. 22. S. 515–551.
- Pearson L. *The Lost Histories of Alexander the Great*. New York: Bleckwell, 1960.
- Reinach T. *Mithridate Eupator, roi de Pont*. Paris: Firmin-Didot et cie, 1890.
- Roos A.G. *Flavii Arriani quae extant omnia*. Vol. II. Leipzig: Teubner, 1968.
- Schmitt R. *Iranische Personennamen in der Griechischen Literatur vor Alexander d. Gr.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2011.
- Schottky M. *Media Atropatena und Gross-Armenien in hellenistischer Zeit*. Bonn: Habelt, 1989.
- Sherwin-White S.M., Kuhrt A. *From Samarkhand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Toumanoff C. *Studies in Christian Caucasian History*. Georgetown: University Press, 1963.
- Weiskopf F. *The So-Called "Great Satraps' Revolt", 366–360 B.C.* Stuttgart: Steiner, 1989.
- Wheatley P., Heckel W. *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Volume II. Books 13–15: The Successors to Alexander the Great*. Oxford: Clarendon Press, 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ХОЛОД Максим Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Maxim M. KHOLOD, PhD (History), Associate Professor, Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.